

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ

УДК 910.1

В. Н. Калущков¹
V. Kalutskov

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ²

THE CONCEPTUALIZATION OF GEOCULTURAL SPACE:
THEORETICAL AND APPLIED ISSUES

Теоретической базой исследования является идея концептуализации географического пространства. Под концептуализацией геокультурного пространства понимается системная культурная инновация, нацеленная на создание новой географической картины мира. Само пространство концептуализаций связано с идеологическими инновациями. Будучи сетевым, оно представляет собой пространство системного воздействия на общество. Элементарной единицей этого пространства является геоконцепт, или идеологический топоним, т.е. имя места, не связанное с местной культурной традицией. По мере освоения геоконцепта сообществом формируется новая идентичность и геоконцепт «превращается» в топоним. Сетевой характер концептуализации геокультурного пространства страны приводит к формированию нового пространственного текста, который презентует новое геокультурное пространство страны и выступает важным условием формирования национальной идентичности. Рассматриваются примеры концептуализации геокультурного пространства Латвии и Украины.

The theoretical basis of the research is the idea of conceptualizing geographical space. Conceptualization of geocultural space is understood as a systematic cultural innovation aimed at creating a new geographical image of the world. The space of conceptualization is associated with ideological innovations. As a network, it is a space of systematic impact on society. An elementary unit of this space is a geoconcept, or ideological toponym, i.e. the name of a place that is not associated with the

¹ **Калущков Владимир Николаевич**, доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

² Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект №20/2019-И «Чтобы помнили...»: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья»).

local cultural tradition. As the community develops a geoconcept, a new identity is formed and the geoconcept “turns” into a toponym. The conceptualization of the country’s geocultural space leads to the formation of a new spatial text that presents the country’s new geocultural space and is an important condition for the formation of national identity. The conceptualization of geocultural space of Latvia and Ukraine is considered in more detail.

Ключевые слова: концептуализация географического пространства, геоконцепт, геокультурное пространство, культурный ландшафт, стратификация культурного ландшафта, палимпсест, десоветизация, Ближнее Зарубежье.

Key words: the conceptualization of geographical space, geoconcept, geocultural space, cultural landscape, the stratification of the cultural landscape, palimpsest, Near Abroad Countries. Это было лет двадцать назад. В Ленинграде состоялась знаменитая передача. В ней участвовали – Панченко, Лихачев, Солоухин и другие. Говорили про охрану русской старины. Солоухин высказался так:

Подходы и определения. Теоретическими основаниями исследования является идея концептуализации географического пространства, представления о палимпсесте и стратификации культурного ландшафта.

При изучении культурных трансформаций городских ландшафтов исследование опирается на классические разработки Н.П. Анциферова и визуально-социологический подход К. Линча [1, 2].

Представление о **палимпсесте** важно для понимания логики изменений геокультурного пространства. Ландшафтный палимпсест позволяет изучать трансформацию пространства, в котором память о прошлом не исчезает бесследно, а сохраняется в виде «полузатертых» слоев. Поэтому культурный ландшафт представляет собой «многослойный феномен, объединяющий прошлые и современные функции, идеологии и физические контексты» [3, с. 12].

Идея **стратификации культурного ландшафта** дополняет метафору палимпсеста; она представляет собой временную модель, описывающую устойчивые – хронотопные – состояния ландшафта [4].

Под **концептуализацией геокультурного пространства** понимается системная культурная инновация, нацеленная на создание новой географической картины мира [5].

Геокультурное пространство может быть представлено в виде трех пространств – **пространства концептуализаций, пространства восприятий и пространства общественных традиций** (табл. 1).

Пространство концептуализаций связано с государственными идеологиями и потому в таком контексте оно является политическим пространством. Пространство концептуализаций представляет собой пространство системного воздействия на общество – это пространство идеологических инноваций, состоящее из сети новых геоконцептов, элементарных единиц концептуализации. Общество может быть подготов-

лено к восприятию данной инновации и в таком случае путь от инновации к традиции будет недолгим. В противном случае внедрение инновации может затянуться или она может быть отторгнута обществом.

Табл. 1. Место и характеристики пространства концептуализации относительно других геокультурных пространств.

Название геокультурного пространства	Характеристики геокультурных пространств
Пространство концептуализаций	Государственное, политическое, внешнее институциональное, инновационное, идеологически однородное, проектируемое (прожективное), сетевое, состоящее из сети геоконцептов
Пространство восприятий	Государственно-общественной коммуникации, социально-политическое, средовое, новационное, разнородное (в результате взаимодействия новой идеологии и культуры), реализованных проектов, сетевое состоящее из «внешних топонимов» – усвоенных сообществом геоконцептов
Пространство общественных традиций	Общественное, социальное, внутреннее институциональное, традиционное, культурно однородное, барьерное, «свое» для сообщества, сетевое, состоящее из «внутренних топонимов» – унаследованных и новых, придуманных сообществом

Пространство восприятий представляет собой пространство взаимодействия государства и общества, государственно-общественной коммуникации. В этом пространстве идеологическая инновация проходит первичную культурную адаптацию. Усвоенная обществом новая идеология проявляется во «внешнем» культурном ландшафте, т.е. в ландшафте для стороннего наблюдателя, туриста [4]. Пространство восприятий – это буферное пространство консенсуса между государством и обществом.

Пространство общественных традиций – это глубинное общественное пространство, которое характеризуется внутренним культурным ландшафтом, со своими названиями, смыслами и образами, доступными только для «посвященных» – членов данного сообщества [4]. Это пространство самосохранения сообщества, барьерное пространство, куда проникают не все культурные инновации. В некоторых сообществах существует своя «внутренняя топонимия», как унаследованная, так и новая, придуманная сообществом, т.е. сеть устных топонимов, обычно отсутствующих на географической карте, которые используются для внутренней коммуникации.

Предложенное разделение триединого геокультурного пространства на частные пространства позволяет лучше понимать место пространства идеологической концептуализации и механизмы переименований.

О механизмах переименований (в контексте взаимодействий геоконцептов и топонимов). Новое имя места (города, региона, страны) привносит новые идеи и новые образы с их последующей социализацией, как правило, не быстрой. К примеру, Царицын – Сталинград – Волгоград представляют собой не просто имена одного города. Это разные национальные

идеи, разные страницы городской и отечественной истории (великое сражение на Волге не может быть волгоградским: это *Сталинградская битва!*), это разные страты городского ландшафта, разные городские идентичности... [6].

Но в начале каждого нового состояния места стоит **геоконцепт**, который нужно рассматривать в качестве «элементарной» единицы концептуализации. **Геоконцепт** можно рассматривать в качестве идеологического топонима, т.е. привнесенного имени места, или **имени места, не связанного с местной культурной традицией**.

С другой стороны, концептуальное переименование можно рассматривать как начало культурной инновации, которое «подтягивает» дальнейшие изменения места – его истории, его образов, его сообщества; в результате возможна трансформация всего культурного ландшафта.

Р.Ф. Туровский для исследования идеологически мотивированных переименований предложил выделить внутри культурной географии специальное направление – геотопонику [7].

По мнению В.П. Сомова принципиальное отличие топонима от геоконцепта заключается в том, что «...подавляющее число топонимов, функционирующих в языке, лишено коннотативных значений. Они являются лишь названиями географического места и не служат словесными метками его образа» [8, с. 11–12]. Если в топониме важно его семантическое значение, то геоконцепт раскрывает новую идею места. Поэтому геоконцепты с их идеологическими и культурными смыслами являются объектами изучения культурной географии, а топонимы с их семантическими значениями – этнолингвистики и топонимики.

По сути, о геоконцептах метафорически пишет де Серто: «*Площадь Звезды, площадь Согласия, улица Пуассоньер...* эти созвездия организуют уличное движение: звезды, управляющие маршрутами». «Площади Согласия не существует, – говорит Малапарте, – это – идея». Это гораздо больше, чем «идея». Потребовалось бы множество сравнений, чтобы объяснить магическую власть, которой обладают имена собственные» [9, с. 203].

Геоконцепт представляет собой инновационное имя места, которое обладает коннотативными значениями, отражающими новую идею или раскрывающими новый ассоциативный образ места.

Таким образом, любое даже самое волюнтаристское **переименование** места можно рассматривать не как разовый акт, а как социокультурный процесс освоения инновации **в результате действия механизмов** переименований. Первый – **идеологический** – механизм связан с взаимодействием нового и старого геоконцептов, второй – **общественный** – с взаимодействием нового и старого топонима, а третий – механизм **общественной натурализации геоконцепта**, его «перевода» в топоним (рис. 1).

Важное место в продвижении новых геоконцептов в обществе играет литература. Напомним, что буквально через 2 года после получения нового

имени города, герой хорошо известной поэмы К. Чуковского «Крокодил» гуляет уже не по *Петербургу*, а по *Петрограду*. Известный культуролог В.Н. Топоров выделил петербургский текст русской литературы (региональный текст – понятие очень близкое понятию культурного ландшафта) [10]. Но применительно к данному случаю можно выделить не один, а три региональных текста (*петербургский*, *петроградский* и *ленинградский*), каждый из которых соответствует разным геоконцептам и каждый из которых формирует круг разных литераторов. При этом, *ленинградский текст* продолжает жить и в современном культурном пространстве.

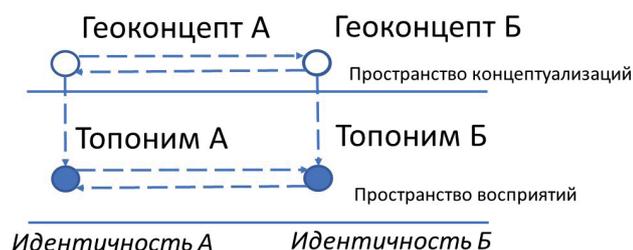

Рис. 1. Механизмы переименований

По мере освоения геоконцепта обществом он «превращается» в топоним, реализуя заложенный в нем образный потенциал; параллельно жители «примеряют» на себя **новую идентичность** (петербуржцы «становятся» сначала петроградцами, а потом и ленинградцами). Очевидно, что трагические испытания жителей во времена *Ленинградской блокады* ускорили процесс формирования ленинградской идентичности. Вот ценное свидетельство одного из известных уроженцев Северной Венеции Александра Городницкого, раскрывающее своеобразие данной идентичности и выступающее в качестве примера актуального *ленинградского текста*: «Слово «Ленинград» было для меня третьим после «мама» и «папа». Про дедушку Ленина я узнал значительно позднее и в сердце своем эти слова не связываю» [11].

Таким образом, можно говорить не только о смене одного геоконцепта другим, но и о действии механизмов переименований, которые связывают пространство концептуализаций и пространство восприятий (рис 1).

О концептуальных и неконцептуальных переименованиях географических объектов. Очевидно, что сфера топонимии представляет собой не только междисциплинарную область исследований, но и важную составляющую политики любого государства; при этом топонимическая – шире ономастическая – политика страны опирается на государственную идеологию. Поэтому географические названия меняются как в силу естественных (языковых, природных, социокультурных) причин, так и под влиянием идеологических и политических установок [12].

В принципиальном плане, все переименования можно разделить на 2 большие группы – **концептуальные**, в основе которых лежат идеологические установки и политические идеи, **не концептуальные**.

Выделяется 5 типов переименований, которые представляют собой разные культурно-географические ситуации:

- концептуальные идеологически мотивированные переименования, включая статусные переименования;
- концептуальные геополитические переименования;
- переименования, связанные с изменением ландшафта (они также могут быть идеологически мотивированы);
- переименования неблагозвучных и частотных названий;
- формальные переименования.

Во многих случаях (Петроград – Ленинград) природа переименования очевидна. В других, особенно в ситуации «микроизменения» топонима (Черновицы – Черновцы, Тарнополь – Тернополь, Сухуми – Сухум) требуется специальное **исследование**, чтобы понять причины переименования.

1. Концептуальные идеологически мотивированные переименования. Они связаны с идеологически выстроенной топонимической политикой государства. Цель такого переименования – создание **нового смысла и нового образа места**, который бы соответствовал новой идеологии и, соответственно, новой концепции пространства. В концептуализацию могут вовлекаться как отдельные значимые локусы географического пространства, так и целые пространственные массивы. Вспомним о знаковых – идеологически концептуальных – переименованиях Петербурга и Екатеринбурга в XX веке: Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург, а также Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург. Многие современные, казалось бы, идеологически нейтральные географические названия связаны с советской концептуализацией пространства: Мурманск – это бывший Романов-на-Мурмане, Новосибирск – бывший Ново-Николаевск, а Северная Земля – это Земля Императора Николая II.

Для большинства постсоциалистических стран таких идеологических волн массовых переименований было две – советская и современная национально ориентированная.

Одной из разновидностей идеологически мотивированных переименований являются **статусные переименования**. Это самые значимые в рамках существующей идеологии переименования. В советское время они были связаны с именами Ленина и Сталина. Нередко такие переименования **сопровождаются повышением политико-административного и общественного статуса** города.

Ярким примером современного статусного переименования стало новое название столицы Казахстана – Нур-Султан.

2. **Концептуальные геополитические переименования** характерны для пограничных территорий государств (Калининградская область, российско-китайское пограничье и т.д.) и спорных территорий. Свежим примером такого рода является стремление Запада заменить исторические русские топонимы в Антарктиде на западные. Этот случай вызвал ответную реакцию Кремля; как отметил В.В. Путин «Сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, когда русские названия, которые давали ещё в прошлые века и десятилетия наши исследователи и путешественники, постепенно вытесняются с карты мира». При этом «...примеры замещения названий – не только в далёкой Антарктиде, есть примеры и тут поближе...» [13].

3. **Переименования, связанные с изменением ландшафта.** Такой тип смены топонима широко распространён на всем постсоветском пространстве и чаще всего связан с политикой социалистической индустриализации. Строительство промышленного предприятия приводило к созданию рядом с ним рабочего посёлка, а затем и города, который, как правило, получал новое имя. В результате изменялся не только ландшафт, но и социально-экономическая ситуация. Так, город Солигорск в Белоруссии возник на основе рабочего посёлка Новостаробинск в связи с промышленной разработкой калийных солей и строительством калийного комбината.

Новые названия промышленных центров могут быть идеологически окрашены.

4. **Переименования неблагозвучных и частотных названий.** Примером такого переименования является белорусский город Славгород, который до 1945 года носил название Пропойск. С алкоголизмом этот топоним никак не связан: местный географический термин пропой означает «сильный водоворот, образующийся при слиянии рек». Поскольку город находится у слияния двух рек, народный термин стал топонимом – Пропойск [14]. Необходимость в переименовании возникла сразу после окончания Великой Отечественной войны. Это было связано с тем, что дивизия, которая освобождала город, решено было присвоить статус гвардейской. Однако его название показалось неблагозвучным. Сравните сами: что лучше звучит – Пропойская и Славгородская дивизия?

Что касается частотных названий, необходимость их переименования очевидна: они не способствуют созданию оригинального образа места, затрудняют идентификацию его жителей.

5. **Формальные переименования.** Такими мы называем переименования, для которых вышеназванные идеологические, политические и социальные причины отсутствуют, иначе переименование носит формальный характер (пример: Сталин – Сталино).

От переименования места к «переименованию» пространства. Очевидно, что масштабность воздействия на общество значительно возрастает при площадном характере воздействия, когда переименования носят

не только массовый, но и масштабный характер, охватывая страновой, региональный и локальный уровни. В таком случае можно говорить о концептуализации пространства и о новом концептуальном пространстве, когда **старое сетевое геокультурное пространство сменяется на новое** и со временем становится качественно другим. Так, в СССР дореволюционный страт культурного ландшафта со временем обогатился советским стратом.

«Переименование» пространства: случай Латвии. Положение страны на границе цивилизаций привело к формированию сложной культурно-языковой ситуации, в которой традиционно была сильна немецкая культура и немецкий язык. Кроме того, часть названий городов имело исторические русские аналоги, иногда и официальные. Так, Даугавпилс в Российской империи некоторое время назывался Двинском. В качестве примера рассмотрим переименования районных центров (ныне Латвия приняла другую сетку административно-территориального деления, но для удобства анализа и сравнимости результатов воспользуемся старым АТД, в котором было место районам).

Пример Латвии (как одной из бывших республик СССР) хорошо демонстрирует **сетевой** площадной характер переименований районных центров (рис. 2). Сеть переименованных городов равномерно покрывает всю территорию страны. При этом концептуальный характер переименований связан с идеей нового национального государства (страна обрела независимость в 1918 году) и потому пространство из немецкого массово «переделывается» в латышское. Примечательно, что свыше 80% переименований приходится на немецкие названия.

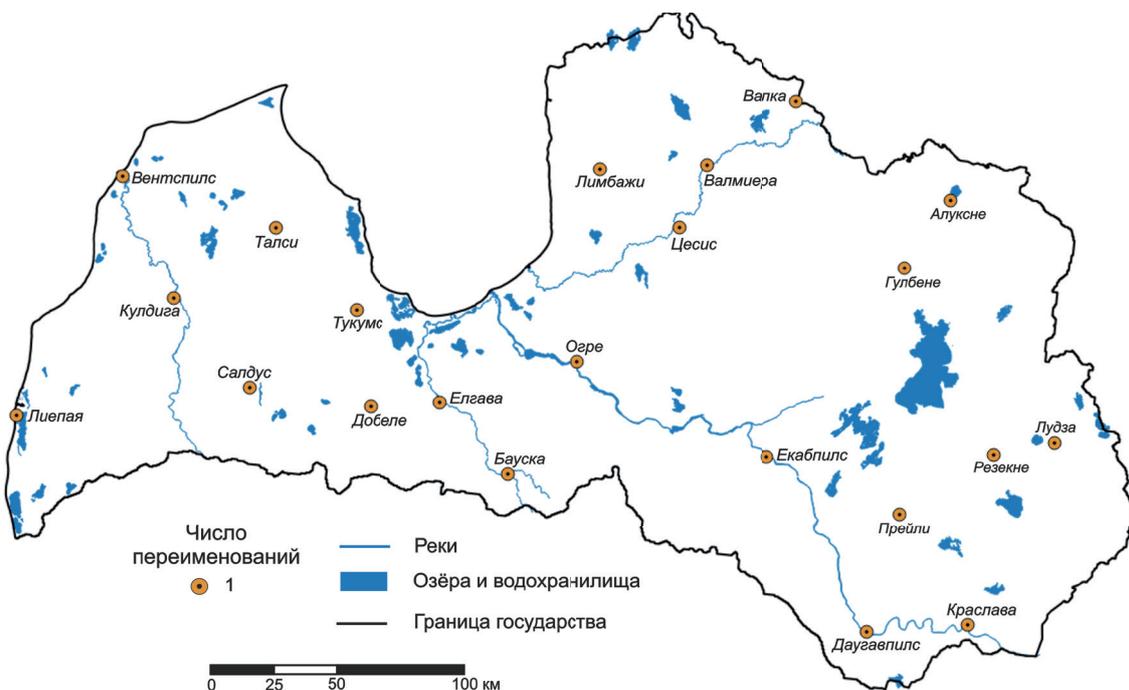

Рис. 2. Сетевое пространство концептуализации страны (на примере переименований районных центров Латвии в 1910-х – 1920-х гг.).

Основной массив немецких названий в Латвии на районном уровне был изменен в 1917–1918 гг. Интересно, что при переименованиях в ряде случаев сохранялись семантические значения топонимов. К примеру, Гулбене и предшествующее немецкое название Шваненбург означают одно и то же – Лебедь и Лебединый замок соответственно.

Теоретический вывод из анализа случая заключается в том, что **новое геокультурное пространство** Латвии – это **новый национальный** – в данном случае латышский – **текст** (табл. 2).

В новом – латышском – пространственном тексте мы не видим имен гениев места, национальных героев, важных событий национальной истории; он не несет на себе идей коммунизма или западной демократии... У него другая смысловая нагрузка – это **латышский текст**, это текст позиционирования нового государства, **пространственный текст на латышском языке**.

Табл. 2. Новый и старый пространственные тексты Латвии (районный уровень).

Пространственные тексты Латвии	Названия районных центров
Латышский (с 1917 года)	Алуксне – Бауска – Гулбене – Валка – Валмиера – Вентспилс – Даугавпилс – Добеле – Екабпилс – Елгава – Краслава – Кулдига – Лиепая – Лимбажи – Лудза – Огре – Прейли – Резекне – Салдус – Талси – Тукумс – Цесис
Немецкий с элементами латышского, русского и польского (до 1917 года)	Мариенбург – Бауск – Шваненбург – Валк – Вольмар – Виндава – Двинск – Доблен – Якобштадт – Митава – Краславка – Гольдинген – Либава – Лемзаль – Люцин – Огер – Прели – Режица – Фрауэнбург – Тальсен – Туккум – Венден

Так происходит **«переименование» пространства** – в результате новой (в данном случае национальной) концептуализации **один пространственный текст сменяет другой**.

Насколько быстро общество воспринимает, усваивает его? Это предмет отдельного рассмотрения. Во всяком случае геокультурное пространство Латвии на районном уровне вот уже столетие демонстрирует удивительную стабильность: в отличие от большинства бывших союзных республик оно ни испытало сильного воздействия ни советской, ни постсоветской концептуализаций.

Заметим, что Латвия представляет собой пример крайне слабой и нетипичной для территории СССР советской концептуализации геокультурного пространства. Из районных центров только один город (новый город) в советское время получил имя в честь советского латышского политического деятеля П.И. Стучки (город Стучка в 1991 году переименован). В таком контексте понятно, что процессы десоветизации пространства Латвии (подчеркнем, только на районном уровне) практически не значимы.

Концептуализации геокультурного пространства Украины в XX–XXI вв. Если пример Латвии не типичен для Ближнего Зарубежья, то историко-геокультурного пространства Украины можно считать более характерной для большинства бывших союзных республик. Это проявляется в том, что в XX–XXI вв. **концептуализация украинского пространства осуществлялась неравномерно** по глубине, масштабу и территориальному охвату (региональные особенности связаны с Западной Украиной) и **непоследовательно**: волны советизации пространства даже в советское время чередовались с волнами его десоветизации. Не удивительно, что на Украине есть города, которые за последние 100 лет переименовывались четыре и даже пять раз!

Интересно, что на территории Украины, как и всего СССР, был использован... американский подход к номинации географических объектов: самые статусные переименования были связаны не с идеологией коммунизма, а с именами советских руководителей, подобно топонимии США, в которой большое место занимают имена американских президентов [15].

Кроме того, несмотря на идеологию интернационализма, на всей территории СССР, включая Украину, придерживались почвеннического принципа – номинант должен быть связан с городом или регионом переименования.

Процессы концептуализации пространства на Украине проходят не только в **нематериальной** сфере через переименование мест и актуализацию ранее «запретных» имен, но и в **материальной** (снос, замещение и перемещение памятников, создание отражающих новую идеологию музеев и другое).

В XX–XXI вв. определяющими для Украины, как и для всего Советского Союза, было соотношение двух процессов – советизации и десоветизации пространства. За этот период на Украине из 24-х областных центров 12 столиц областей меняли свое название (рис. 3).

Первая волна десоветизации пространства СССР, включая УССР, связана с принятием в 1957 году Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям», в котором запрещалось присваивать географическим объектам имена живых людей. За ним последовала целая волна возвращения исторических названий: Ворошиловград снова стал Луганском, Молотов – Пермью, а Чкалов – Оренбургом [16].

Вместе с тем, со временем, упомянутый выше указ стимулировал вторую волну советизации в 1970–80-гг., когда большим и малым городам стали присваивать имена умерших советских лидеров, как правило, исторически связанных с данными местами (именно на этом этапе Набережные Челны ста-

ли Брежневым, Ижевск – Устиновым, Шолданешты в Молдавии – пусть всего на 3 года – Черненко). На Украине таким примером выступает Луганск, которому после смерти К.Е. Ворошилова второй раз присваивают его имя.

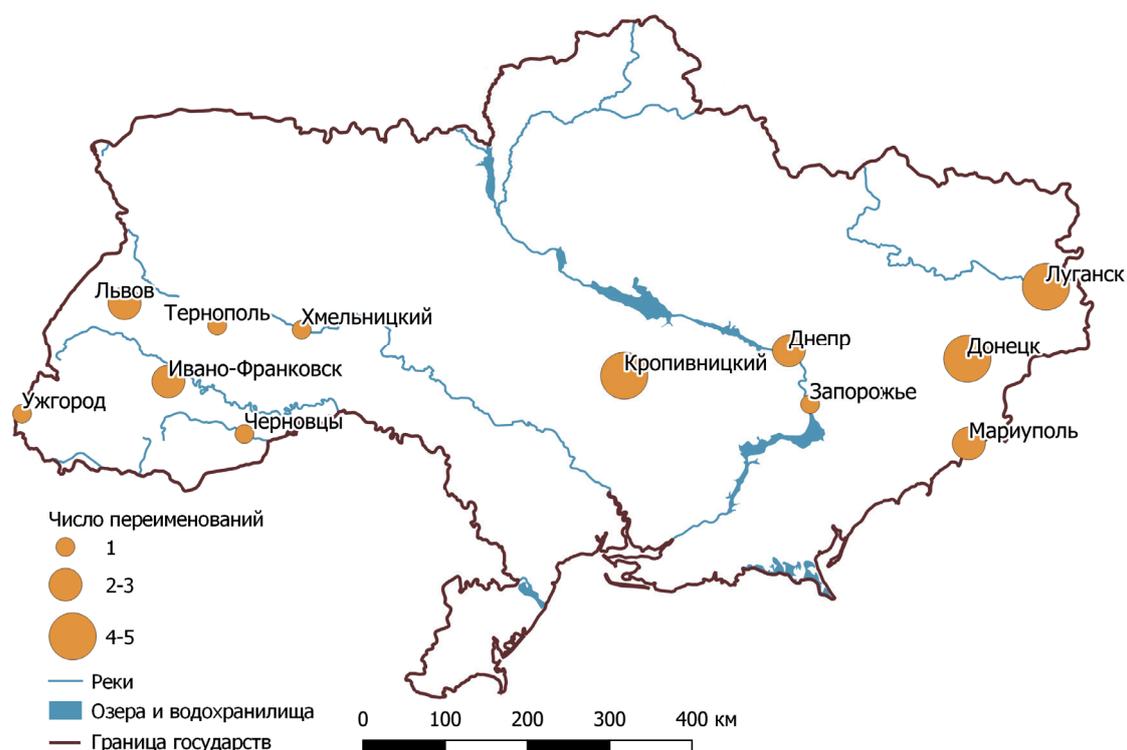

Рис. 3. Переименования областных центров Украины в XX–XXI вв.

Вторая волна десоветизации всего пространства СССР связана с перестроечным периодом – второй половиной 1980-х гг. На Украине она проявилась в переименовании двух областных столиц – Жданова и Ворошиловграда.

И, наконец, третья волна десоветизации пространства Украины, системно охватившая все иерархические уровни пространства (внутригородской, городской, районный и областной) связана с принятием Верховной Радой в 2015 году специального закона [17]. Реализация Закона на областном уровне привела к переименованию в 2016 году Днепропетровска в Днепр, а Кировограда – в Кропивницкий.

Наряду с процессами советизации / десоветизации одним из важнейших культурно-географических процессов в течение всего рассматриваемого периода является украинизация геокультурного пространства. Она осуществлялась как за счет переименований дореволюционных названий, так и в результате десоветизации пространства. Наиболее активно украинизация пространства проявляется в 1920–60-е гг., а также во времена перестройки и в постсоветское время.

Выводы.

1. В результате исследования разработано представление о геокультурном пространстве как триедином и состоящим из трех пространств – пространства концептуализаций, пространства восприятий и пространства общественных традиций. Это позволяет лучше понять место и характеристики пространства концептуализаций.

2. Пространство концептуализаций, будучи сетевым, представляет собой пространство системного воздействия на общество. Элементарной единицей этого пространства является геоконцепт, или идеологический топоним, т.е. имя места, не связанное с местной культурной традицией.

3. Выделяется несколько механизмов переименований: идеологический, заключающийся во взаимодействии нового и старого геоконцептов, общественный (взаимодействие нового и старого топонимов) и механизм общественной натурализации геоконцепта.

4. Сетевой характер концептуализации геокультурного пространства страны приводит к формированию нового пространственного текста, который презентует новое геокультурное пространство страны и выступает важным условием формирования новой национальной идентичности.

Литература

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга СПб.: Лениздат, 1991. 159 с.
2. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
3. Митин И.И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов-н/Д: Изд-во Южного фед. Ун-та, 2014. С. 147–156.
4. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
5. Калуцков В.Н. О концептуализации географического пространства. Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 105–107.
6. Митин И.И. Стратегии трансформации идентичности: опыт московских и петербургских пригородов и Хибин // Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России. Н. Новгород: IREX и «Профессионалы за сотрудничество», 2004. С. 107–113.
7. Туровский Р.Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география. М.: Институт Наследия, 2001, С. 10–94.
8. Сомов В.П. Поэтическая география: Историческая, мифологическая, библейская и литературно-сказочная. Культурологический словарь. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2015. 416 с.
9. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб: изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
10. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. С. 259–367.

11. Городницкий А. Ленинградец – это национальность. Курьер, № 32, 15–21 августа 2002.
12. Терентьев Е.А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник РУДН, серия Социология, 2014, № 3. С. 73–86.
13. Заседание попечительского совета РГО. Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57377> (дата обращения: 12.04.2018).
14. Роголев А.Ф. Пропойск – Славгород // Географические названия в калейдоскопе времён. 2-е изд. Гомель: Барк, 2011. С. 179-181.
15. Zelinsky W. Nation into the state: the shifting symbolic foundations of American nationalism. N.Y.: University of North Carolina press, 1988. 350 pp.
16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.09.1957 б/н «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям». Электронный ресурс: <https://www.lawmix.ru/sssr/6927> (дата обращения 12.01.2020).
17. Закон Украины № 317-VIII «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов и запрете пропаганды их символики», 2015.

УДК 911.3:39 740

А.В. Любичанковский¹
A. Lyubichankovskii

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ЭТОСА В ЭТОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

SPATIAL FORMS OF ETHOS IN ETHOLOGICAL GEOGRAPHY

В статье с предметно-содержательных позиций складывающегося научного направления – этологической географии – охарактеризованы основные пространственные формы этоса. Автором предложена методологическая схема выделения ядер специфической ментальности путем наложения выявленных пространственных конфигураций (ареалов, зон, сетей и др.) по каждому картографически зафиксированному этологическому компоненту, что позволяет увидеть ментальность (как географическую реальность) сквозь призму этологической географии.

The article describes the main spatial forms of ethos from the substantive positions of an emerging scientific field – ethological geography. As a result of the study, a methodological scheme was proposed for distinguishing the nuclei of a specific mentality by superimposing the identified spatial configurations (areas, zones, networks, etc.) for each cartographic fixed ethological component, which allows us to see mentality (as a geographical reality) through the prism of ethological geography.

---

¹ Любичанковский Алексей Валентинович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета, Оренбург.